

Е. Ю. Баранов
ИИиА УрО РАН, г. Екатеринбург

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВЕННЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ В СССР: ЦЕЛИ,
МЕХАНИЗМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕАЛИЗАЦИИ
В ГОРОДАХ И ПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНАХ
В НАЧАЛЕ 1930-х гг. (на материалах Урала)**

Продовольственная политика в четвертом десятилетии определялась курсом советского государства на форсированную индустриализацию. Обеспечение продовольствием населения, занятого в промышленности, на индустриальных стройках стало одной из приоритетных задач органов власти. Но снабжение пострадало из-за невыполнения хлебозаготовок, развала внутреннего рынка.

Трудности с обеспечением населения продовольствием проявились еще в 1928 г. Недостаток хлеба привел к ограничению его выдачи в хлебных лавках и кооперативах. Реакцией органов партийно-государственной системы власти на недостаток хлебобудовых в городах стало введение их нормированного распределения среди городского населения. Нормирование первоначально оформлялось санкциями местной власти. В июне 1928 г. Уральский обком ВКП(б) установил нормы выдачи хлеба через Центральные рабочие кооперативы рабочим и служащим, а также членам их семей¹. А 14 февраля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о введении всесоюзной карточной системы на хлеб. Хлеб населению стал отпускаться по заборным книжкам, которые получало только трудовое население городов, устанавливался предельный размер хлебного пайка. В связи с перебоями в поставках продовольствия в 1928/29 гг. в дополнение к хлебным карточкам стали распространяться нормирование и карточки на другие продукты: масло, мясо, сахар, крупу и пр.² Однако нормированное снабжение городского населения продовольственными продуктами не стабилизировало ситуацию, так как оно не соблюдалось вследствие плохой организации аппарата снабжения и недостатка продукции, выпускавшейся местными предприятиями пищевой промышленности. На уральских предприятиях появилась текучесть рабочих кадров, среди основных причин которой находилось ухудшение снабжения и общественного питания.

В июле 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) официально ввело карточную систему на мясо. Ассортимент торговли в 1930 г. в стране резко сузился и свелся к списку так называемых нормированных товаров: хлеб,

мясо, рыба, крупа, растительное масло, сахар. Ненормированные продукты: сыр, колбаса, творог, конфеты, сметана и прочее – отсутствовали в кооперативах неделями или месяцами, а когда появлялись, то продавались по нормам³.

Несмотря на нормированную продажу продуктов в городах, промышленных районах не хватало. Рабочие и служащие жаловались на их недостаток, отсутствие, в особенности мяса и хлеба. Все больше в их разговорах слышалось слово «голод», говорили о голодании, грядущем голоде. В 1930 г. плохо снабжались продуктами питания рабочие Копейских рудников. В феврале один из рабочих в своем письме обвинял секретаря копейской ячейки ВКП(б) в хищении пайков рабочих, писал о низкой заработной плате, о недостатке продуктов и больших очередях в кооперативах. Виноват в сложившейся ситуации, по его мнению, был секретарь партийной ячейки: «... нам приходится исключительно [питаться]... одним почти чаем, мяса кусок съесть нам нет никакой возможности, потому что его нет, а есть то вы даете как коту сто грамм... норма муки, которую вы даете, она не удовлетворяет... кроме муки, сахару вы больше ничего не даете. Мы голодные...»⁴. Негативные настроения рабочих на почве продовольственного дефицита были зафиксированы в Златоустовском округе в марте 1930 г. В высказываниях содержалось недовольство властью: «Мяса и хлеба в кооперативе нет и купить стало нигде, хотя бы по дорогой цене. Вот до чего дожили при советской власти, скоро с голоду подохнем» (Симский завод), «... нам в конце месяца не хватает хлеба, работаем по три дня голодаем, на одном чае...» (Бакал, рудники), «... Передохнет весь народ с такой жизнью. Все стали наши-то больные, да хилые. Жиреть-то не с чего. Хлеб дают такой, что его раньше собаки не ели, да его не хватает на месяц» (Симский завод)⁵. Рабочие и служащие в возникшем продовольственном дефиците обвиняли и центральную, и местную власть.

Эскалация продовольственной проблемы привела к введению в январе 1931 г. всесоюзной карточной системы на основные продукты питания и непродовольственные товары. Карточки выдавались только занятым в государственном секторе экономики (рабочим, специалистам и служащим промышленных предприятий, государственных, военных организаций и учреждений, совхозов), а также их иждивенцам. Снабжение тех, кто получил карточки, представляло сложную иерархию групп и подгрупп и зависело от близости к индустриальному производству⁶.

Но регион продолжал испытывать серьезные затруднения со снабжением. Задерживалась выдача карточек. В закрытых рабочих кооперативах (ЗРК) и отделах рабочего снабжения (ОРС) не хватало продуктов, чтобы обеспечить весь контингент предприятий. Советское руководство

искало новые возможности продовольственного обеспечения горожан. В мае 1932 г. были легализованы колхозные рынки. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР была разрешена рыночная торговля сельскохозяйственной продукцией после выполнения установленных планов заготовок. Организация колхозной торговли дала на рынке временное снижение цен на сельскохозяйственные товары. Однако, в начале 1933 г. тенденция к повышению рыночных цен возобладала. Квалифицированный рабочий вынужден был до 50 % своего заработка тратить на покупку продовольствия на колхозном рынке⁷.

Продовольственный кризис, обернувшись голодом для сельского населения, а также отдельных категорий горожан, достиг пика в 1933 г. Продукты в ЗРК и ОРСы поступали с большим запозданием и не полностью. В январе директор Уржумского сельскохозяйственного комбината в беседе с корреспондентом газеты «Пролетарская мысль» (Златоустовский район), указывая на тяжелейшее продовольственное положение рабочих, критиковал работу ЗРК, к которому принадлежал комбинат: «Из года в год, из месяца в месяц безобразно поздно поступают продуктовые листки. Рабочие, питающиеся в столовой, сидят первые 4–5 дней полуголодные из-за несвоевременной выдачи карточек»⁸. В Златоустовском районе рабочих, даже ударников, вовремя не обеспечивали печеным хлебом, мукой, крупой, сахаром, растительным маслом. Задержки в выдаче хлеба доходили до двух недель. Поставки хлеба в ЗРК и ОРСы были ниже установленных норм. Так, суточная потребность в хлебе рабочих доменного цеха металлургического завода определялась в 600–760 кг, а в ОРС доставляли только 300–400 кг. Рабочим ночных смен или не хватало хлеба, или ежедневно приходилось простаивать в очереди в ожидании хлеба до 10–12 часов дня⁹.

Рабочие писали первому секретарю Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакову о недостаточном снабжении продовольственными продуктами и прежде всего хлебом, о том, что члены их семей не обеспечивались продуктами. По состоянию на 2 января 1933 г. рабочие Невьянского механического завода № 68 с 19 декабря 1932 г. не получали муки, печеный хлеб давали только на каждого рабочего по 800 грамм. За хлебом образовывались большие очереди. Рабочие ночных смен вынуждены были вместо дневного отдыха простаивать в очередях с 6 часов утра до 2–3-х часов дня. Рабочие завода жаловались на отсутствие жиров, овощей, круп, мяса, а также на низкую заработную плату, недостаточную для покупки продуктов у частника. Единоличники продавали молоко по 4 руб. за литр, тогда как рабочий зарабатывал 2 руб. 80 коп. в день. Члены семей рабочих не снабжались хлебом, и вследствие недоедания дети болели катаром желудка (соврем. – гастрит)¹⁰.

Наиболее нестабильными в отношении снабжения профессиональными группами являлись учителя, медицинские работники, служащие, научные работники, студенты вузов и техникумов, пожарники. В Троицком районе в первом квартале 1933 г. выдача продовольственных продуктов профессорам, научным работникам Уральского ветеринарного института, специалистам постоянно задерживалась и осуществлялась только 3–5 раз в месяц. Это создавало очереди и вызывало недовольство, или, как указано в докладной записке Троицкого райкома: «вызывался ненужный невроз»¹¹. В Чердыни в первой половине января 1933 г. в связи со снятием с продовольственного снабжения городского контингента имели место так называемые «волынки». Служащие, пожарники, учителя с детьми, как указывалось в документе, «толпами» приходили в районные партийные организации и советские учреждения с требованиями обеспечить выдачу хлеба¹².

Недостаток продовольствия, плохая организация снабжения, общественного питания являлись одними из основных причин текучести рабочих кадров на предприятиях в 1932–1933 гг. За январь–февраль 1932 г. из металлургического цеха Калатинского медного комбината ушли 237 человек, что связывалось с отсутствием продовольственного снабжения и невыплатой заработной платы¹³.

Уральский обком ВКП(б) постановлением «О состоянии работы ОРСов» от 7 марта 1933 г. обязывал райкомы, горкомы ВКП(б) и директоров предприятий установить систематический учет движения рабочей силы и изъятия заборных документов у прогульщиков и увольняемых. ОРСам предлагалось улучшить снабжение ударников, сделать его первоочередным, выделить дополнительные фонды для снабжения ударников¹⁴. Но постановления партийного руководства во многом были далеки от практики продовольственного снабжения и не могли исправить ситуацию при отсутствии реальных продовольственных ресурсов, предназначенных для снабжения населения.

Бригада ЦКК-РКИ в докладной записке в Президиум ЦКК, Коллегию ЦК РКИ от 12 марта 1933 г. об обследовании Челябинского ферросплавного завода констатировала в качестве одной из причин текучести кадров рабочих, служащих и технических специалистов на заводе неудовлетворительные бытовые и санитарные условия. Так, столовая на заводе не имела кухни, вследствие чего обед, состоявший из капусты и пшенной каши, подавался в термосах. Питание было низкокалорийным. В докладной записке упоминался случай отказа рабочих от еды из-за того, что щи подавались с червяками¹⁵. В ОРСы хлеб часто поступал сырой, недопеченный. Не всегда такой хлеб возвращался на хлебозавод, иногда он выдавался рабочим.

В апреле 1933 г. Москва сократила на 51 тыс. пайков контингент снабжения по Пермской железной дороге. Иждивенцы и дети рабочих двадцати шести предприятий, подведомственных отделу снабжения железной дороги, остались без пайков. Это семьи рабочих щебеночных, кирпичных заводов, черепичных, алебастровых, известковых предприятий, каменных карьеров. Сто пятьдесят детей рабочих щебеночного завода № 4 станции Исеть Пермской железной дороги остались без карточек. Квалифицированные кадры уходили с завода. Рабочие вынуждены были продавать вещи, в том числе одежду, обувь, чтобы приобрести хлеб. Рабочие и их семьи голодали по несколько суток. Семьи из четырех, пяти человек питались одним обедом из одного блюда. Некоторые приобретали в свердловских кооперативах или в ларьке завода кофе, на рынке покупали отруби, которые стоили дешевле муки, и из смеси кофе и отрубей пекли водянистые горькие на вкус лепешки¹⁶.

В марте 1933 г. в условиях голода органы власти идут на разрешение коммерческой торговли хлебом. С 15 сентября 1933 г. она разрешается в Свердловске, Магнитогорске, Челябинске, Перми. С 5 октября 1933 г. торговля печеным пшеничным и ржаным хлебом открывалась в Нижнем Тагиле, Златоусте, Надеждинске, Тобольске¹⁷. Однако хлеба завозили недостаточно, отсутствовал его ассортимент. В магазины и ларьки часто поступал или один ржаной, или один пшеничный, причем последний не отвечал стандартам качества, и такой хлеб потребитель покупать отказывался. Днем в магазины и ларьки коммерческой торговли создавались очереди, которые, видимо, образовывались за счет приезжих из района. Горожане жаловались в партийные и государственные инстанции, что с введением коммерческой торговли снизилось качество хлеба, выдаваемого по карточкам, – он часто продавался сырой и недопеченный¹⁸. В итоге несмотря на получение дополнительной возможности приобретения хлеба в результате разрешения коммерческой торговли отрицательным следствием данного шага руководства страны стало снижение его качества.

Еще одним источником приобретения продукции для населения городов и рабочих поселков являлся «черный рынок». Более развита была нелегальная торговля печеным хлебом. Нелегальная торговля мукой в ноябре 1933 г. отмечалась в Шадринске, Кургане, Тюмени, Кудымкаре, Красноуфимске, Кунгуре, Осе, Первоуральске, Перми. Спекуляция наблюдалась на базарах Челябинска (овощи, молочные продукты, птица), Кунгура (хлеб, махорка), Камышлова (масло, яйцо), Березников (картофель), Воткинска (хлеб), Свердловска, Магнитогорска, Тагила и др.¹⁹ Организация свободной продажи хлеба в ряде городов привела к ликвидации спекуляции хлебом, либо доля последней заметно снизилась.

Но, ни карточная система, ни легализация колхозной торговли, ни разрешение коммерческой продажи хлеба не позволяли в условиях ускоренной социально-экономической трансформации полностью решить продовольственную проблему городского населения, быстро выйти из кризиса. Недостаток продуктов, голодание населения приводило к росту социальной напряженности, негативно отражалось на производственной деятельности, что подрывало темпы индустриализации. Но советское руководство, осознавая приоритеты индустриального развития страны, старалось поддержать, в том числе и продовольствием, население, занятое в промышленности.

Примечания:

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 41, 60, 61.

² Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998. С. 67.

³ Там же. С. 76.

⁴ ОГАЧО. Ф. № П–75. Оп. 1. Д. 724. Л. 126.

⁵ ОГАЧО. Ф. № П–317. Оп. 1. Д. 955. Л. 70, 71 об.

⁶ Осокина Е. А. Указ. соч. С. 89, 90.

⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 342. Л. 48.

⁸ Пролетарская мысль. 1933. 4 января.

⁹ Пролетарская мысль. 1933. 3 февраля.

¹⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 33, 34.

¹¹ Там же. Л. 87.

¹² Там же. Л. 37, 154.

¹³ Хрестоматия по Отечественной истории (1914–1945 гг.) / под ред. А. Ф. Киселева, Э. М. Щагина. М., 1996. С. 408.

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 32. Л. 104, 105.

¹⁵ Челябинская область, 1917–1945: сб. док-тов и мат-лов. Челябинск, 1999. С. 155.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 92–96 об.

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 182. Л. 30, 31; ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 3307. Л. 61.

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 342. Л. 197, 198.

¹⁹ Там же. Л. 72, 72 об, 74.